БЕЛОРУССКАЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ТРАДИЦИЯ В ЕВРОПЕЙСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ: ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ

Кутузова НА., Михеева И.Б., Шмидт В.В.

Историю белорусской философской мысли, определяющей содержание интеллектуальной национальной традиции, понимают как историко-философскую дисциплину, которая изучает локальную (региональную) традицию мышления интеллектуальных элит Беларуси, связанную с зоной восточноевропейского пограничья[1]. Национальная культура Беларуси всегда рассматривалась как часть общеевропейской культуры, тем более что исторически белорусская культура была тесно интегрирована в европейскую, начиная с эпохи Средневековья и вплоть до начала XIX в. В основе ее развития лежала дилемма «Восток - Запад», выраженная в традиционном соперничестве христианских (православного и католического) векторов. Однако эта дилемма является упрощенной и неадекватно отражает реальную социокультурную ситуацию, так как и в западном, и в восточном регионах существовали и существуют разнообразные культурно-национальные традиции и, следовательно, различные стратегии развития.

Фундаментальной константой, предопределявшей транскультурную специфику Беларуси, всегда оставалось ее «существование в зоне цивилизационного разлома и колониальных нео- и постколониальных практик»[2]. Находясь в силовом поле политико-экономических, конфессиональных и духовно-философских перекрестков, отечественная культура по определению испытывала мощное влияние многообразных, зачастую противоречивых, воздействий. При этом, в условиях, когда исторически белорусский народ практически не имел опыта самостоятельного и длительного государственного строительства и не пережил продолжительных эпох политической независимости, вполне закономерным представляется отсутствие в национальной культуре достаточно развитого и отрефлектированного исторического мышления. Заменой ему становится мышление мифологическое в совокупности архаичных форм народного самоопределения. Возможно, для подобного рода культур это обстоятельство является принципиальным и спасительным: сохраняя свой «космос» и сохраняясь в нем от драматичной истории, белорусский социум выдержал многочисленные трагические испытания, сохранив при этом свою самобытность и специфику[3]. В то же время, как следствие, в подобного рода культурных традициях наблюдается неизбежная мифологизация этнической истории, конструирование на различных уровнях рефлексии сакрализованной модели мира, на протяжении веков репрезентируемой в художественной форме через совокупность фольклорных и литературных текстов[4].

Сформировавшись как принципиально пограничная, белорусская культура может характеризоваться тем, что стратегическая роль в ней в отличие от «классических» цивилизаций принадлежит не культурному синтезу, а культурному симбиозу, явившемуся ее основным культурообразующим механизмом. Симбиотические же взаимосвязи различных интегрирующих элементов, образующих основу социокультурного пограничного образования, обеспечивают, в свою очередь, его неустойчивую стабильность. Поэтому существование «на культурном пограничье» означает не просто более-менее безболезненную и уверенную миграцию из своей культуры в соседние и обратно, но пребывание в специфических «культурных сумерках», где «свое - отчуждено, а чужое — все-таки свое», или, иными словами, «существование между Отчизной и Чуж-

' Статья подготовлена в рамках международного исследовательского проекта «Древний Полоцк» - 2011 г.: БРФФ № Г11РПЛ-00Ч и РГНФ № 23-16001а/Вс13.

[1] См.: Псторыя ф1ласофскай і грамадска-палтлчнай думю Беларуси у 6 т. Т. 1: Эпоха Сярэднявсчча. Мшск, 2008. С. 32

[2] *Бабкоу І.М.* Каралсуства Беларусь: Вытлумачэннс ру[і"|ііау. Мн., 2005. С. 120.

[3] Там же. С. 13.

[4] См.: *Даншенка С.* М1ф и Радз1ма: Сакрал1зацыя дзяржавы-Радз1мы у лтаратуры польска-бсларускага Рамантызму / рэдкал.: А.М. Нснадавсц (адказ. рэд.) і шш. Мн., 1999. С. 81-83.

биной, которые на самом деле оказываются двумя ликами одного целого»[1]. В связи с этим в полицентрическом пространстве культурного многообразия процесс индивидуальной самоидентификации для носителей пограничной культуры представляет собой некоторое балансирование «между». Итогом подобного «динамично-разорванного» культурного бытия неизбежно становится самоощущение некоторой ущербности и обиженности. В результате, традиционно белорусский культурный опыт - это, «...прежде всего, опыт культурной а-нормальности, который субъективно переживается как комплекс неполноценности, как определенная культурная травма - травма отсутствия сильного, гомогенного, национального культурного пространства»[2].

При этом культурное и интеллектуальное пространство Беларуси было всегда открытым: культурные эталоны Запада и Востока свободно проникали на белорусские земли, создавая коммуникативные пространства, оставались в памятниках материального и нематериального наследия, адаптировались к местным условиям и давали жизнь локальным (региональным) традициям. Культурная гетерогенность (понимаемая иногда как фрагментарность), выраженная в языковой, этнической, религиозной сферах, создает определенные проблемы с интерпретацией интеллектуального пространства Беларуси. История философии Беларуси в синхронном и диахронном разрезе оказывается историей интеллектуальных слоев, в которых происходит встреча различных интеллектуальных традиций.

Исторически сложившаяся гетерогенность белорусского социокультурного пространства была и является до сих пор основным препятствием для становления единого интеллектуального слоя национальной элиты. Однако общая гражданская принадлежность и осознание своей исключительной роли в сохранении суверенного государства стали духовной основой белорусской элиты. Локальная традиция, детерминированная потребностью в независимом государстве, выразилась в доминировании социально-политических проблем в философском творчестве, что в свою очередь стимулировало преимущественное развитие правовой, политической культуры, социально ориентированной этики.

Опыт государственного строительства Великого княжества Литовского (ВКЛ) и Речи Посполитой дает ценный материал в регулировании общественных и политических отношений. Правовые документы XIII-XVI вв., включая Статуты ВКЛ, фиксируют принципы уравнительной и распределительной справедливости, отраженной в правах и обязанностях сословий. Еще князь Гедимин в своих «Посланиях» сделал определенную заявку на построение бесконфликтного, справедливого государства: «Мы установим такой мир, который христиане еще не знали»[3]. Государство воспринимается как гарант стабильности и правопорядка.

XV-XVIII вв. - время господства аристотелизма в интеллектуальном пространстве Беларуси. Аристотеля именуют «великом философом», «писателем великой политической мудрости», его «Политику» многократно переиздают, комментируют; и вне всякого сомнения именно «Политика» Аристотеля является самой востребованной книгой как в учебных заведениях, так и в библиотеках обычных горожан. По популярности произведениям Аристотеля немного уступают сочинения Бодена. Время политического расцвета ВКЛ и затем Речи Посполитой совпало с временем популярности европейских теорий «общественного договора», «общественного блага», образа высонравственного «христианского правителя», которые обусловили теоретические вектора интелектуального пространства в Беларуси.

В период XV-XVI вв. на белорусских землях создается система подготовки юридических кадров и сеть учебных заведений соответствующего профиля. С XVI в. изменяется восприятие образа короля (великого князя в ВКЛ), он - первый среди равных, инструмент власти и выразитель воли шляхты, защитник прав национальной элиты. Правовые нормы рассматриваются как выражение воли государя и шляхты. В это время сформировалась идеология «шляхетской демократии», которая закрепляла особое положение шляхты в обществе и политике, придавала национальной культуре того времени элитарный характер, но, вместе с тем, требовала, чтобы элита была эталоном во всех своих мыслях и действиях. В эту эпоху, называемую сейчас «золотым веком», и появляется понятие «гражданское (или политическое) общество», которое терминологически дифференцируется с понятием «государство». «Гражданское (или политическое) общество» в источниках XVI-XVII вв. - это сообщество национальной элиты - шляхты, наделенной высокими моральными качествами и гражданскими добродетелями: патриотизмом, активной политической позицией, развитым

[1] *Бабкоу І.М.* Каралеуства Беларусь: Вытлумачэнне ру[і]Нау. С.112.
[2] Там же. С. 117
[3] Послание Гедимина 26 мая 1323 г. // Послания Гедимина. ВНЈьнюс, 1966. С. 40-41.

правосознанием, признанием высшей политической ценностью государственного суверенитета и свободы. Среди теоретиков «шляхетской демократии» политические деятели А. Волан, Л. Сапега, профессор А. Олизаровский. Они сравнивали государственное устройство Речи Посполитой с Римской республикой и считали, что полноценное «гражданское общество», ограничивающее власть правителя, есть воплощение высшей политической мудрости.

Приоритетной ценностью и одновременно социальной миссией элиты - шляхты - была защита правопорядка: «Пусть правит король, а королем никто не правит, только Бог и право», «Короля можно упросить, а право - вещь глухая, неупросимая», - эти фразы принадлежали секретарю трех королей, политическому деятелю Речи Посполитой А. Волану и содержались в его «Политических речах». Авторы конца XVI - начала XVII в. рассматривали право как средство, обеспечивающее свободу в государстве. В их понимании свобода отсутствует там, где нет никаких законов и там, где имеются такие законы, которые «умножают произвол злых людей». Следовательно, такое государство не может находиться в состоянии свободы. Свобода возникает из ограничения любой власти и государь также должен быть связан правом.

А. Волан призывал в сенаторов Речи Посполитой к гражданской мудрости и политической активности: «Если король при вашем попустительстве нарушает законы, если употребляет свою власть не на общее благо, а на гибель всех, а вы не препятствуете его недостойному властолюбию, то разве не берете на себя вину за то, что республика управляется плохо?»[1]

Понимание политической власти как соглашения между населением определенной местности и князем (правителем), как «общественного договора» можно считать традиционным для белорусской политико-правовой мысли. Вечевые собрания, система местных органов власти (волостные старцы, копные суды) сохранялись до XVII в.

Для обозначения государства в актах XVI в. употребляются термины «господарство» (в значении «имение», «хозяйство»), «панство» (в значении «верховенство власти»), «речь посполитая», которая понималась как общее дело, общее благо. Последний термин получил широкое распространение с 1529 г., с момента принятия первого Статута ВКЛ. Подобное понимание государства закрепляется в теоретической и учебной литературе: «О политической общности людей» (1651 г.) А. Олизаровского, «Общей философии» (1640 г.) Л. Залусского. По их мнению, отношения власти формируются на основе естественных отношений между социальными общностями, первичными из которых являются дом и семья. Государство создается благодаря отношениям между поселениями, в которые объединяются семьи. Таким образом, природа государства имеет договорной и территориально-семейный характер.

Показательно, что в первых учебных курсах по теории политики («О политической общности людей» А. Олизаровского) подчеркивается значение горизонтальных связей и отношений, а также суверенитет общества по отношению к государству. Эта теоретическая парадигма не просто закрепила существующий порядок политической деятельности народа - шляхты, выборы правителя, но и создала стандарты в политической культуре и поведении будущих поколений, тем самым способствовала самовоспроизводству данных политических идеалов. Следует учесть, что социальное развитие белорусских земель в составе Речи Посполитой достигло довольно высокого уровня по сравнению со странами Европы, чему способствовало распространение магдебургского права, практически всеобщая грамотность и образованность городского населения, благоприятные экономические условия.

Отличием белорусской интеллектуальной традиции является ее практическая направленность: политические идеалы - гражданские добродетели, концептуализированные в европейской политической литературе, были осмыслены интеллектуалами того времени и рекомендованы учебными пособиями для будущих поколений элиты. Другим важным отличием является демократичность интеллектуальной традиции (диссертации по философии, праву, медицине защищались представителями практически всех сословий: шляхты, горожан, крестьян, причем каждый ученый имел возможность работать как на родине, так и за рубежом), а также распространенность знаний в публичной сфере.

Показательно, что гражданские добродетели определяются не только отношением к государству, а в большей степени - легальными формами гражданской активности. Этнорелигиозная дифференциация национальных элит была постоянным источником напряженности. Итогом религиозной полемики первой половины XVII в. стало обоснование модели «общественного блага», политико-правового регулирования этнорелигиозных вопросов. Католик, канцлер Лев Сапега в письме к униатскому архиепископу И. Кунцеви-

[1] *Волан Л.* Прадмова да Сената // Падокшын С.А. Бсларуская /мкау кантэксце псторьп і культуры. Мшск, 2003. С. 176.

чу, осуждая его политику насилия в отношении православных, писал: «Все, что не согласуется с миром и общественной пользой, может смело рассматриваться как преступление. Хорошо сказал мудрец: к тому, что мы не можем изменить, следует относиться терпимо и не осуждать»[1]. Этнорелигиозная конфликтность, угрожающая целостности и суверенности государства в поле внимания блестящих деятелей того времени, среди них сам король Владислав IV, Лев Сапега, православный митрополит Петр Могила, униатский митрополит Вельямин Рутский и др. Интеллектуалы, разъединенные по этническим, религиозным и конфессиональным признакам, смогли объединиться, показав пример всем слоям населения и выступив в защиту общегражданских ценностей.

XVIII в. для Беларуси - это время новых политических идей. Видные деятели той эпохи, считали, что рациональная организация экономики, политического управления, защита прав и свобод человека станет общим делом всех настоящих граждан и патриотов своей страны. Учение французских экономистов - физиократов приобрело широкую известность в Речи Посполитой, даже большую популярность, чем во Франции. Широкое интеллектуальное течение, созданное на основе физиократизма и теории «естественного права», осталось не только в философских трудах того времени, но и в реальных действиях. «Павловская республика» П К. Бжостовского, реформаторская деятельность А. Тизенгауза в Гродно, работа в составе Эдукационной комиссии И. Хрептовича и католического епископа И. Массальского, правозащитная деятельность православного епископа Г. Конисского - все это свидетельства того, насколько весомой может быть деятельность интеллектуалов. Активная общественная и политическая деятельность этих известных белоруссов показывает пример служения своему народу и своей стране, достойный всяческого восхищения и подражания.

Под гражданскими добродетелями в XVIII в. понимали активную политическую и общественную позицию граждан: защита «прав диссидентов» Г. Конисским, социально-экономические модернизации (И. Хре птович, П. Бжостовский, А. Тизенгауз), научно-просветительскую деятельность (К. Нарбут, Ф. Папроцкий), организацию фонда поддержки публичного образования (И. Массальский) и даже, революционную активность (Т. Костюшка, *Я.* Ясинский, И. Еленский). Гражданские добродетели определяются ответственностью за судьбу страны и общества.

Европейские теоретические эталоны «естественного права», «общественного блага», верховенства разума, воплощенного в праве оказались настолько укоренены в самосознании белорусских элит и интеллектуальной традиции, что вся критическая литература XIX в. буквально пронизана ими. Становление нового «гражданского общества» в XIX в. начинается сначала, гражданские добродетели наследуются выходцами из народа, включаются в программные документы различных демократических и революционных организаций. «Гражданское общество» к началу XX в. обретает новых субъектов, которыми становятся политические партии и общественные организации. В программных документах многочисленных демократических обществ речь идет о союзе шляхты-элиты с простым народом и их совместной борьбе за национальную независимость. Главные темы новых интеллектуалов и одновременно поле их политической деятельности связаны с моделями краевой или областной автономии и демократической модернизации, форм представительного (парламентского) правления. Белорусские депутаты были представлены в составе всех Государственных Дум, наиболее часто выступали по национальному и аграрному вопросам.

Не менее интересным и показательным в данном контексте представляется феномен литературного польско-белорусского романтизма. В отношении белорусско-польского романтизма можно говорить о специфической культурной симбиотичности, прием в двух аспектах: во-первых, широком, подразумевающим не до конца адекватную (органичную, синтетичную) связь этой литературной традиции с самой реальностью, и, во-вторых, в узком, предполагающим его внутреннюю специфику явно несинтетичного характера.

В опыте польского романтизма очевидно осуществляется, но не завершается формирование белорусского культурного «Я». Это происходит в силу, по меньшей мере, двух причин. Во-первых, романтики, находясь в пространстве исторически сформировавшегося менталитета, по сути, реконструировали и даже *создавали национальную идеологию как Национальный Миф*[2], апеллируя, прежде всего, к глубинным пластам национального архетипического - мифологии и фольклору. В творческом багаже практически каждого поэта и писателя

[1] Письмо канцлера ВКЛ Л. Сапеги архиепископу И. Кунцевичу от 12.03.1622 // Памятники философской мысли Белоруссии. Минск, 1991. С. 77.

[2] *См.: Даншнка С.* М1ф и Радз1ма: Сакралг'зацыя дзяржавы-Радз!мы у Л1таратуры польска-беларускага Рамантызму. С. S.

имеются сакрализованные исторические сюжеты как ритуально проинтерпретированные социально-этнические кризисы белорусской социокультурной традиции. В конечном итоге, в произведениях польско-белорусских романтиков исключительную сакральную значимость обретает утраченное государство-Отечество, служение которому и возрождение которого признается эквивалентным «культовому служению»[1].

Во-вторых, представители литературного романтизма и одновременно основоположники белорусской литературной традиции испытывали явное затруднение с собственным национально-культурным самоопределением, что позволило исследователям удачно определить их как «бездомных интеллектуалов»[2]. Подобное затруднение вряд ли можно однозначно назвать недостатком, поскольку длительные и безуспешные поиски этой самоидентификации были неизбежны - как можно себя благополучно идентифицировать, имея в историческом багаже одновременно столько культурных имен - «кривичи», «литовцы-литвины», «русины», «белорусы»? Так, национальное самосознание А. Мицкевича, по мнению исследователей, было одновременно и выразительно польским по своему идейно-политическому звучанию и ориентации на польский язык в творчестве, и, безусловно, белорусским по своей эмоционально-психологической ментальное™, сформировавшейся белорусским бытовым, языковым, фольклором, песенным мелосом поэта, а также поддерживавшейся им сознательным культивированием под влиянием эстетики романтизма[3].

Интересно, что на протяжении XIX в. достаточно легко и свободно польско-белорусская бикультурность переходила в бикультурность белорусско-русскую (П. Шпилевский, М. Косич и др.), а также в белорусско-польско-русскую трикультурность (К. Калиновский, А. Гуринович, Я. Лучына) и даже в белорусско-польско-русско-украинскую квадракультурность (Ф. Богушевич)[4].

Февральская революция 1917 г. вновь оживила процесс организационного и духовного формирования новых национальных элит. Белорусский Национальный Комитет (БНК), избранный в марте 1917 г., должен был организовать Беларусь в контакте с Временным правительством, подготовить выборы в Белорусскую Краевую Раду и приступить к разработке конституции. БНК провозгласил своей целью культурно-национальное и политическое возрождение белорусского народа. Социальная база новой национальной элиты была довольно пестрой, национальные организации были и крестьянские, и солдатские, и организации учителей, и шляхты. Представители белорусского общественно-политического движения принимали участие в работе Государственного совещания в августе 1917 г. в Москве, Всероссийского демократического совещания в сентябре 1917 г. в Петрограде, Съезда Народов (8-15 сентября 1917 г.) в Киеве, съезде белорусов-беженцев в Москве и др. Среди белорусского актива идея возрождения национальной государственности была связана с концепцией автономии Беларуси. Требование придания Беларуси статуса широкой краевой автономии и представительного правления в форме краевой Рады рассматривается большинством национальных партий и организаций в качестве оптимального решения «белорусского вопроса» в марте - октябре 1917 г. Однако политические реалии конца 1917 г. не позволили претворить в жизнь эти идеи. Усиление социально-экономического радикализма и революционности вызвали раскол в белорусском национально-освободительном движении на противоборствующие течения и группировки, классовая идентичность доминировала над национальной.

На волне гражданского и национального подъема 20-30-х гг. XX в. в белорусской интеллектуальной среде появляется широкий спектр программ национально-государственного возрождения - от интернационально-коммунистических до консервативно-националистических. Одной из наиболее, на наш взгляд, оригинальных явилась концепция кривичского возрождения Вацлава Ластовского. В ней весьма красноречиво и достаточно полно отражаются радикальные национально ориентированные настроения и ожидания определенной части белорусской интеллигенции того времени. Кроме того, по сей день взгляды Ластовского оказывают определенное влияние на духовную атмосферу современного белорусского общества, инспирируя

[1] См.: *Даныенка С.* Млф и Радзила: Сакрал1зацыя дзяржавы-РадзЫы у лтратуры польска-беларускага Рамантызму. С. 83.
[2] *Ьабкоу І.М.* Каралеуства Беларусь: Вытлумачэнне ру[і]Нау. С. 53—54.
[3] См.: Беларусжа=А1Ьаги1:пешса: Кн. 3: Нацыянальныя і рэпянальныя культуры, іх узаемадзеянне / рэд. А. Малъдзю і mm. Мн., 1994. С. 335.
[4] См. там же. С. 327.

поиски оптимальных стратегий национального развития, теперь уже в новом общекультурном контексте глобализации и социокультурной транзитивности.

Программа национального возрождения Ластовского, которую условно можно было бы озаглавить как «от белоруса - к кривичу», включала в себя в качестве приоритетов ряд пунктов, среди которых особенно следует выделить необходимость налаживания процесса самоидентификации белорусов через возвращение народу исторического имени и доказательство его, народа, «балтских корней», обоснования сущности «национального посланничества» кривской культуры человечеству, а также создания национальной религиозно-церковной организации. В своей программе белорусского национально-культурного развития Ластовский занимает умеренно-националистические позиции, одновременно солидаризируясь с европейскими ценностями. Условиями независимого и благополучного развития кривского этноса и государства автор видит демократические (федеративные) формы политико-правового устройства, а также мирное и равноправное сосуществование с ближайшими соседями и масштабное национальное культурное строительство. Вышеотмеченные особенности свое концентрированное выражение обретают в центрирующем образе-символе «Крывн», который содержательно эволюционирует от идеала независимого национального моногосударства, функционирующего в общеевропейском геополитическом пространстве, к перспективе автономно-национального социокультурного и политико-экономического образования в составе «балтской федерации».

Белорусская интеллектуальная традиция вновь возрождается в период государственной независимости, в 90-е гг. XX в. Ее стимулом и точкой отсчета становится история философской мысли Беларуси, в которой современные авторы пытаются найти ключевые концепты для дальнейшего развития. Изучение и реконструкция белорусской философии является своеобразной попыткой диагностики, помогающей найти средства для развития национального самосознания, закрепления национальной идентичности. Как в философском, так и политическом дискурсе в Беларуси большую роль играют два доминирующих тренда: европейский (который имеет большую обоснованность и укорененность в белорусских текстах начиная с эпохи средневековья, что подтверждает также общность белорусско-польского и белорусско-литовского интеллектуальных сообществ) и русскоязычный российско-советский.

В сравнении с эталонными (выстроенными и многократно отрефлексированными) философскими традициями стран-соседей (польско-европейский и российский тренды) белорусская философская культура является в большей степени *усваивающей,* чем изобретающей, но *практически и публично ориентированной; открытой, для нее практически нет границ; обладает большей динамичностью, порой граничащей с релятивизмом (своеобразной антиэталонностью), принципиальным антидогматизмом.* Задавая вопрос о том, какая философия нужна сейчас белорусам, необходимо помнить, что живая философская традиция - это не собрание текстов и комментариев к ним, не апологетика каких-то истин, а постоянный интеллектуальный процесс, происходящий в режиме нон-стоп, доступный, современный, формирующий критическое мышление.

©Кутузова НА, 2011
©МихееваИ.Б.,2011
© Шмидт В.В., 2011